

Р. А. Кононов.
Часовой. Комментарии к системным процессам^[1].

От автора: «трудно не заметить, что как только люди собираются в группы, их поведение определенным образом упорядочивается. Происходит распределение ролей, которое, в первом приближении, зависит от личного материала отдельных членов, а также, от целей, для которых создана данная группа. Однако помимо этого происходит и скрытое распределение системных функций, связанное с процессами самоорганизации, которые подспудно протекают в системе. А группа без сомнения является системой, хотя речь в этой работе пойдет не только о группе.

Любая система имеет элементы самоорганизации. Прежде всего, это означает, что она стремится поддерживать некий оптимум – равновесие, баланс между отдельными своими частями, а также другими системами. Это необходимо для сохранения ее жизнеспособности. Подобно живому существу, система не только охраняет себя от саморазрушения, но и растет, развивается и, может быть, даже приобретает элементы самосознания.

Процессы самоорганизации являются архетипическими по своей природе. Это означает, что где бы ни имела место система, в группе, в человеческой душе, в невротическом паттерне или в сложных технических системах, ее структура будет примерно одинаковой. А ее динамика будет практически независимой от человеческой воли и сознания.

Мы предполагаем, что у любой самоорганизующейся системы в структуре есть несколько типовых «узлов». Их адекватная работа и обеспечивает системе способность к самоорганизации. От нашего умения вычленивать такой «узел», увидеть результаты его работы, зависит то, насколько успешно нам удастся понять системные процессы. От этого также зависит наша способность управлять системной динамикой.

Основное внимание в данной работе уделяется описанию одного из ключевых типовых «узлов» системы. Мы назвали его Часовым».

Часовой: следы в культуре.

Часовые были во все времена. Само слово принадлежит военному лексикону и означает специального человека, в чьи задачи входит охрана некой границы (государства, города, военного лагеря и т.п.). Такая принадлежность имеет особенный смысл. Военные действия, текущие или возможные, как правило, связаны с кризисом в системе, который либо преодолевается таким образом, либо еще больше усугубляется. Ниже мы увидим, что актуализация, усиление Часового всегда происходит в преддверии той или иной системной угрозы.

В паттерне Часового можно выделить четыре обязательных фазы, которые следуют одна за другой. В каждой из этих фаз у Часового есть специальные задачи.

Первая фаза («ожидания-регистрации»). В этой фазе Часовой напряженно «смотрит в ночь», в ожидании возможного нарушителя. Если таковой появляется в окрестностях охраняемой границы, или же пересекает ее, то Часовой немедленно регистрирует этот факт и предпринимает необходимые меры. В первой фазе Часовой практически никак актуально не проявлен в системе. Поэтому для внешнего наблюдателя его как бы нет.

Вторая фаза («оповещения»). В этой фазе Часовой посылает сигнал т.н. Основным силам – воинскому контингенту, обладающему достаточной мощностью для того, чтобы остановить вторжение и восстановить целостность границы. В рамках данной работы это термин, который будет обозначать внутрисистемный объект, чья задача заключается в восстановлении системного гомеостаза.

Третья фаза («сдерживания»). Для того чтобы передислоцироваться в направлении границы, Основным силам нужно некоторое время. Задача Часового в фазе сдерживания заключается в обороне границы до тех пор, пока они не подойдут. В ожидании Основных сил, Часовой может яростно сражаться с нарушителем, а может просто тянуть время, подобно сфинксу, загадывая почти неразрешимые загадки. Главное – чем-то занять нарушителя, пока Основные силы выдвигаются к границе.

Четвертая фаза («стабилизации»). Часовой утрачивает свою центральную роль в системной динамике, уступая ее Основным силам, которые расправляются с нарушителем.

Это равнозначно возвращению к исходному состоянию, т.е. в первую фазу. Четвертая фаза не несет в себе чего-либо принципиально нового, поэтому мы практически не будем ее касаться.

Существует большое количество сюжетов о том, как Часовой засыпает на посту или оказывается невнимателен, в результате чего, враги пересекают границу и на охраняемую территорию обрушиваются различные бедствия: чужие воины, инакомыслие, болезнетворные микробы и проч. Словом все то, что наносит системе существенный, а иногда и невосполнимый ущерб. Все это обязывает Часового стоять на смерть, пока Основные силы выдвигаются к границе.

Часовой: внутриспсихическая сила.

Психика с полным правом может считаться системой^[2]. Где, как не в ней отчетливо проявляют себя процессы самоорганизации. Для нас это означает, что Часовой существует и в человеческой душе. С психологической точки зрения внутренний Часовой обладает природой *комплекса*. Это подразумевает его значительную скрытость от сознания. Чем более бессознательно Эго по отношению к внутреннему Часовому, тем большее влияние последний оказывает на восприятие и мотивационную сферу человека.

Часовой – это одна из наиболее часто эксплуатируемых структур бессознательного. Эго, например, регулярно обращается за его специфической помощью в ситуациях определения идентичности. Когда мы реализуем формулу «Я - не есть Он», мы как бы проводим *разграничительную линию* между собой и другим человеком. А для того, чтобы различия приобрели устойчивость, а не исчезли, например, после ночного сна или потери сознания, Эго привлекает к делу Часового. Или он сам проявляет соответствующую инициативу. Неважно, чей здесь приоритет, главное в том, что благодаря участию Часового различия между конкретными субъектом и объектом больше *не нужно каждый раз открывать заново*.

Поскольку сознание имеет место только там, где есть противоположности, где есть «Я» и «не-Я», то легко можно сообразить, какую огромную роль играет Часовой в деле сохранения и поддержки сознания. Вообще, актуализация этой фигуры всякий раз сопровождается «обострением» сознания. Многие из нас наверняка наблюдали ситуации, когда находящийся в полудреме человек внезапно просыпался (становился сознательным), когда окружающие едва слышно упоминали его имя. Для человека его имя глубоко встроено в схему идентичности. А идентичность, как мы уже знаем, подразумевает некие рамки или границы^[3]. А это, в свою очередь, обязательно задевает Часового. Частная собственность в социуме и личная идентичность связаны друг с другом именно через эту фигуру.

Благодаря Часовому мы можем сохранять наши убеждения, потому что наши убеждения существуют благодаря рамкам, в которых содержатся. То же самое справедливо и для любой эго-установки (Персоны).

Благодаря Часовому мы способны чему-либо учиться. Мы можем совершенствовать свои навыки и умения, однако, усваивая новые навыки и умения, мы обязательно преступаем границы, в пределах которых сохранялись их прежние, менее совершенные «модификации». Это автоматически подразумевает активизацию описываемого паттерна, с обязательным приходом Основных сил. Как бы не была эфемерна граница, которую мы пересекаем, Часовой будет работать по полной программе. Этим можно объяснить тот факт, что на усвоение того или иного нового умения нам приходится расходовать и силы и время, которые тратятся на схватку с Основными силами. Особенно ярко это проявляется в случаях, когда вновь обретенное умение содержит в себе *качественные* отличия оттого, что уже было в распоряжении человека.

Словом, внутренний Часовой выполняет важнейшие функции в психике. Трудно себе представить последствия для человеческой души, если вдруг каким-либо образом Часовой оказался бы изъят из внутриспсихической динамики. Однако отношения между Эго и комплексом Часового, как собственно, и любым другим комплексом, могут быть осложнены инвазивной инфляцией. Речь идет о таком бессознательном отождествлении, когда все ресурсы Эго оказываются целиком в распоряжении комплекса. Соответственно изменяются восприятие, идентичность и мировоззрение человека. Такая «одержимость» комплексом Часового образует специфический невроз, об особенностях которого мы поговорим немного ниже.

«Одержимость» Часовым: место в социальной динамике.

В человеческой душе существует множество различных внутренних сил. Между ними, как в любой системе, существует определенное динамическое равновесие. Вслед за Юнгом мы говорим об «одержимости», когда одна из сил становится доминирующей, и приобретает безраздельное влияние на Эго. В нашем случае такой силой оказывается Часовой. Человек, «охваченный» Часовым, приобретает весь «набор» своего архетипического прототипа. Это значит, что все три вышеописанные фазы обязательно присутствуют в его действиях.

Интересно, что, приобретая измененное состояние сознания и специфическую оценку реальности, «одержимый» Часовым человек приобретает также и *особое место в общности, которой принадлежит*. Другими словами, он становится значимой «деталью» в групповой системе, отвечая за сохранность ее границ. Роль эта кому-то может казаться весьма привлекательной, потому что Часовой в любой группе обладает очень большим влиянием, если не сказать: «харизмой». Это происходит оттого, что Часовой ответственен за сохранение схемы групповой идентичности, а это напрямую связано со сплоченностью группы. Чем сплоченней группа, тем лучше она ассимилирует тревогу своих членов. Потеря Часового, даже гипотетическая, оставляет любого члена группы перед перспективой самостоятельного контроля над тревогой. Поэтому, перечить Часовому, значит искать неприятностей.

Тот, кто «захвачен» Часовым приобретает ощутимую «прибавку» к самооценке, поскольку он всем нужен и с его мнением считаются^[4]. И если даже его не любят, то уж верно относятся с уважением к той роли, которую он играет в жизни сообщества. Каким бы ничтожным ни чувствовал себя человек, попадая в роль Часового, он получает ощутимую компенсацию.

Со своей стороны, роль Часового требует от своего носителя дистанции и одиночества, потому что это необходимо для наилучшего выполнения соответствующих функций. Вообще, *идеальный* Часовой – это *функция*, которая жизненно необходима системе. *Вселичностные* вкрапления только вносят ненужные искажения. Наши наблюдения показывают, что чем больше человек сживается с ролью Часового, тем более схематизированными и поверхностными становятся его личные связи с остальными членами группы, и тем в большем одиночестве он пребывает. Эта роль требует стойкости и бескомпромиссности, особенно во второй и третьей фазах. Человек, «одержимый» Часовым обороняет системные рубежи, как только может, поэтому стороннему наблюдателю активность Часового кажется чрезмерно аффектированной и неадекватной обстоятельствам. Наблюдатель может подумать о том, что объект его наблюдения мог бы быть более вежливым, более сдержанным, мог бы действовать тактически грамотней. Но Часовой вообще очень плохо относится к тактическому маневру, потому что это подразумевает хоть и временное, но оставление охраняемых рубежей. Такая флуктуация не допускается данным архетипическим паттерном.

Эмоциональная дистанция от своих недавних друзей – членов сообщества необходима Часовому почти также как, и дистанция от чужаков, поскольку граница может быть пересечена не только снаружи, но и изнутри. Для Часового важна только *цельность* границы. Можно сказать, что метафорически граница – это *тело* Часового. Человек «одержимый» Часовым бессознательно воспринимает действия нарушителя как выпад в свой адрес, цель которого причинить ущерб его телу. Иногда Часовой непосредственно воплощает в жизнь эту метафору, пребывая в соматическом страдании в ответ на пересечение границы.

Часовой, нарушители и Основные силы.

Телесные страдания Часового обычно характерны для фазы оповещения. Он как бы подает таким образом сигнал Основным силам. Это один из способов поднять тревогу.

С того момента, как Часовой замечает нарушителя, между ним и Основными силами образуется своего рода «мистическая связь». Для Часового она имеет очень большое значение. Он должен быть *уверен в том, что «помощь в пути»*. Только в этом случае он может стоять на смерть. Однажды автор был свидетелем тому, как один маленький мальчик, помещенный в стационар на лечение, наотрез отказался покидать место в коридоре, где он в последний раз видел свою мать. В отчаянии и слезах он объяснил свое нежелание покинуть неудобное место на сквозняке тем, что «мама не сможет его найти, если он уйдет».

Маленький Кевин из фильма «Один дома» только тогда сумел приступить к мероприятиям по защите дома от воров, когда справился с идеей о том, что родители забыли его. Пока не была проделана работа по коррекции этой идеи, Кевин пребывал в депрессии, и был

абсолютно беспомощен. Зато потом он реализовал третью фазу (сдерживания) во всей ее полноте^[5].

Еще более прозрачный пример связи между инициативностью Часового и близостью Основных сил можно наблюдать в каком-нибудь парке. Собака будет яростно облаивать вас, охраняя свою территорию, но стоит ее хозяину отвернуться, или скрыться за деревом, как она потеряет весь свой запал и в смятении прекратит лай. Через мгновение произойдет смена паттерна, и собака перестанет быть Часовым.

Мать мальчика в первом примере, родители Кевина во втором, хозяин собаки в третьем, все они олицетворяют собой Основные силы. Стоит только Часовому потерять связь с ними, как его деятельность немедленно теряет всякий смысл. Его аффективно - энергетическая составляющая лишается целей и управления, и Часовой способен превратиться в экстремиста и безумца. Исчезновение связи с Основными силами означает для Часового гибель всей системы. Возможно, нет худшей судьбы, чем судьба Часового, чья система погибла. В отличие от собаки, человек, в такой ситуации, не всегда может так легко разотождествиться с ролью Часового и часто поэтому, переживает системный хаос и дезориентацию как нечто, происходящее лично с ним.

Для Часового связь с Основными силами как бы материализует границу, делает ее ощутимой, позволяет чувствовать, что охранные ритуалы – не бесполезная суеда, а, напротив, жизненно необходимое для системы дело.

Всякий, кто пересекает границу, является нарушителем. Но что означает само слово «граница» применительно к системе? И что значит «нарушить границу»?

У всякой системы есть устоявшийся режим функционирования. Его иногда называют «номинальным». В этом режиме система расходует своих ресурсов ровно столько, сколько необходимо для выполнения *привычной* работы. Еще этому режиму соответствует некая совокупность параметров, благодаря которому система может находиться в номинальном режиме. Рассмотрим это на примере группы. Пусть это будет школьный педсовет, который собирается регулярно, каждую неделю (первый параметр); по средам в 15.30 (второй параметр); в одном и том же составе, допустим – восемь человек (третий параметр); на одной и той же территории, в учительской (четвертый параметр); используются устоявшиеся формы приветствий (пятый параметр); имеет место ритуальное чаепитие (шестой параметр); воспроизводятся любимые темы разговоров для заполнения пауз (седьмой параметр); один и тот же лидер (восьмой параметр); имеют место микрогруппировки по любому из возможных признаков (девятый параметр); табуированные темы для открытого обсуждения (десятый параметр); свои, наработанные в группе, способы разрядки напряжения и агрессии (одиннадцатый параметр); устоявшаяся схема ритуалов прощания (двенадцатый параметр) и т.д. Это, конечно, далеко не полный список системных параметров. Более того, они взяты из разных смысловых уровней, коих в любой более-менее сложной системе тоже изрядное количество. Важно другое: если каждый из множества параметров посчитать за точку, то линия, которую они образуют, и будет границей данной системы. Поэтому, для того чтобы нарушить эту границу достаточно изменить хотя бы один значимый (ключевой) параметр, или несколько второстепенных. Трудно с ходу сообразить, какой из параметров ключевой, а какой нет. Но желающие могут это выяснить посредством некоего специфического эксперимента. Суть которого заключается в последовательном нарушении (изменении) каждого параметра. Степень аффектации группы и активность Часового укажет самые важные из них. *Мы вообще можем разглядеть Часового только тогда, когда границе угрожает вторжение. Когда угрозы нет, Часовой не виден.*

Как уже говорилось выше, границу можно нарушить изнутри или снаружи. Внешний нарушитель это тот, кто приходит из внешнего, по отношению к данной системе, мира. Предположим, что в помещение, где проходит педсовет, внезапно заходит завхоз. Будем также считать, что таким образом нарушен ключевой параметр, связанный с *закрытостью* помещения. Еще в тот момент, когда завхоз только подходит к двери, носитель системного Часового почувствует напряжение (первая фаза). Это напряжение может вылиться в какую-нибудь раздраженную фразу, что-то вроде «Да сколько же можно ходить! Все ходят и ходят!» (это вторая фаза, обращение к Основным силам). Далее следует пауза^[6], в ходе которой, Основные силы выдвигаются к границе. В эти мгновения напряжение носителя функции Часового достигает максимума. Он внимательно охватывает взглядом нужные лица,

или сразу же смотрит в конкретном направлении, поскольку в устоявшейся системе Основные силы обычно персонифицируют одни и те же люди. Или вообще один человек (например, завуч), который, по окончании паузы, решительно становится на позицию носителя Часового и заставляет невежливого завхоза спешно покинуть кабинет.

Вместо внешнего нарушителя (завхоза) всю описанную динамику мог бы запустить и внутренний нарушитель^[7]. Им может оказаться любой член группы, который случайно или с умыслом изменяет один или несколько параметров системы.

Как нам уже известно, носителю Часового очень важно контролировать персонификатора Основных сил. Иногда этот контроль принимает явные, до гротеска, формы. Многие из нас были свидетелями ситуации, когда женщина, ставшая объектом домогательства постороннего мужчины, раздраженно тормозит своего мужа: «Дорогой, ну сделай же что-нибудь!» Понятно, что в этой ситуации посторонний мужчина – нарушитель, женщина – Часовой, а ее муж – Основные силы. Нарушаемым параметром могла бы быть сознательная установка типа: «порядочная-замужняя-женщина-не-раговаривает-с-незнакомыми-мужчинами».

Персонификатор Основных сил редко остается равнодушным к призывам Часового. Даже полностью осознавая свою системную роль, человеку трудно остаться безучастным. Наблюдая за тем, как бессознательно и спонтанно реагирует персонификатор Основных сил на призыв Часового, можно предположить, что в своей основе «мистическая» связь между ними основана на проективной идентификации^[8]. С ее помощью человек, носитель Часового, «переносит» в тело персонификатора не только свое беспокойство и тревогу, но также и «хорошие» качества – могущество, уверенность в правоте и проч. Сам, при этом, оставаясь со стойкостью и надеждой.

Часовой: конфронтация с Героем.

До настоящего момента речь шла о нарушителях, которые пересекают системную границу в одном, максимум, двух местах. Однако бóльшую панику у Часового вызывает *неколичественное, а качественное* нарушение границы, когда меняются почти все системные параметры. Такое случается, когда система в своем развитии переходит на новый уровень. Эта существенная перемена не происходит обезличенно. Обычно она персонифицируется фигурой Героя^[9]. Подобно Часовому, Герой также является значимым «узлом» самоорганизующейся системы. В его задачи, в том числе, входит и реформаторская деятельность, которая подразумевает упомянутое изменение границ^[10]. Часовой, для которого стабильное состояние системы тесно связано с целостностью границы, всегда оказывается консервативной силой. Однако Герой, в конечном счете, оказывается *структурно более сложен*, чем Основные силы, которые оказываются вовлеченными в героический паттерн всего лишь как одна из его составных частей. Будучи частью героического паттерна, как целого, Основные силы автоматически способствуют интересам этого целого. И потому их поражение неминуемо. В мифологическом и сказочном материале взаимодействие между Часовым, Основными силами и Героем описывается как битва с чудовищем (драконом). Как уже отмечалось выше, из-за высокой скорости выдвижения к границе Основные силы и Часовой сливаются в одну фигуру. Лишь по косвенным признакам можно догадаться об этой контаминации. От Основных сил в драконе – надличностное могущество и способности к регенерации^[11], а от Часового возможность внятно изъясняться с Героем, поскольку Часовой обычно – антропоморфная фигура.

Герой может начать свою реформаторскую деятельность как «изнутри», так и «извне». В последнем случае мы имеем дело с проекцией. Это значит, что, даже приходя «извне», Герой имеет самое непосредственное отношение к внутренним системным процессам. Эта его особенность отражена также в сказках или мифах. Герой вначале может жить внутри страны (образ системы), а затем, в результате ряда приключений, оказывается ее королем (образ нового состояния системы). Такова, например, сказка «Конек-Горбунок». Или же он, подобно Эдипу, обретает корону, приходя в страну (город) из внешнего мира. В последнем случае, скрытая связь с системой обычно представлена темой тайны рождения.

Система продуцирует Героя довольно регулярно, поскольку эта функция ответственна и за поддержку сознания. Однако лишь единицы из череды системных Героев являются теми, кто способен качественно реформировать систему. Достаточно вспомнить «один из трех» - печальную сказочную статистику.

Часовой: личность и отношения.

Именно функция Часового обеспечивает препятствие всему новому, что приходит в систему, ведь *если бы он молчал в ответ на вторжение, то Основные силы так и не вступили бы в игру*. Конечно, истинный Герой выдерживает схватку с вызванными к границе Основными силами. Но мы помним, что Герой обеспечивает *качественную трансформацию* системе. Как быть, если человеку не нужны качественные трансформации, если его все устраивает, кроме, например, иррационального страха перед газовой плитой? Из-за которого, он не может приготовить себе пищу дома.

Заметим, что Эго человека, пытающегося приготовить на плите пищу, является здесь тем самым внутренним нарушителем. Поэтому оно и оказывается во власти страха, возникающего в ответ на крик внутреннего Часового. Как правило, Эго отступает, избегая фатального контакта с Основными силами. К сожалению, *без помощи истинного Героя нарушитель (неважно, внутренний или внешний) всегда проигрывает Основным силам*, потому что он всего лишь *обособленный* фрагмент этой системы.

В нашем примере, *невозможность* самостоятельно готовить пищу может оказаться ключевым параметром системы, а также – ценой за сохранение текущего системного гомеостаза. Это значит, что Часовой будет «кричать особенно громко». Но возможно все-таки существует та или иная лазейка, воспользовавшись которой, человек может приготовить себе пищу без долгого ожидания истинного Героя, и без обреченного на поражение столкновения с Основными силами?

Такая лазейка действительно существует, вот только путь этот может показаться несколько странным. Секрет, однако, прост: *к Часовому нужно отнестись не как к системному «узлу», пусть и очень важному, а как к живому человеку, как к личности. И тогда, возможно, нам удастся уговорить его не звать Основные силы*. Этот подход применим ко всем Часовым, вне зависимости от того, какого рода системе они принадлежат. Выше мы уже упоминали о том, что идеальный Часовой – это *очень одинокое существо*, готовое в первой фазе (ожидания) выносить свое одиночество столько, сколько нужно для дела. Таково одно из требований, предъявляемое ему системой. Кроме того, идеальный Часовой – абсолютно неподкупен. Да и как можно подкупить функцию? Однако все эти архетипические ожидания несколько теряют свою императивную силу, когда речь заходит о носителе функции, поскольку он – человек, со своим телом, которое устает, со своими эмоциями, которые жаждут выхода, со своим стремлением к чисто человеческой близости и пониманию. Наша задача – увидеть в носителе Часового живое существо и вступить с ним в отношения, цель которых его *личность*, а не его функциональные обязанности. Последнее нуждается в некотором пояснении. Мы помним о том, какую мощную статусную компенсацию предлагает Часовой своему носителю. Это подразумевает, что личное самоотношение, самооценка этого человека весьма низка. Именно поэтому он берется за предложенную работу. Когда же мы устанавливаем с ним отношения, в которых этот человек обнаруживает свою ценность как личности, то надобность в архетипической «подпорке» ослабевает. Избавление от вечного одиночества сопровождается у носителя облегчением и благодарностью. Прежде всего, к тому, кто осмелился преодолеть системное отчуждение и заинтересоваться им как личностью. Складывающиеся отношения приобретают для него очень большую ценность. Это обязывает человека – носителя Часового в некоторых спорных случаях не звать Основные силы для расправы с нами как нарушителями.

Такие отношения никогда не бывают простыми, в том числе и по этическим соображениям. В то же время, мы не можем рассчитывать на то, что одержимый Часовым человек позволит нам пересечь границу. Стоит этому случится хотя бы раз, и система быстро сменит носителя этой важной функции. Для некоторых людей это настоящая катастрофа. Это все равно, как если бы вас выкинули на грязный перрон из поезда, который мчится в страну счастья.

Мы не можем упрощать Часового пропустить нас через границу, но мы можем попросить его эту границу немного *отодвинуть*. Совсем чуть-чуть. В нужную нам сторону. При этом, мы не вынуждаем нашего друга предавать дело, которому он служит, ведь речь идет вовсе не о пересечении границы.

До примера с плитой мы говорили о Часовом систем, которые содержат в качестве своих элементов отдельных людей. То есть, фактически, о группах и сообществах. Однако, все сказанное выше, полностью применимо и человеческой психике, которая тоже является системой. Часовой есть в каждой эго-установке, поскольку она немыслима без границ и рамок.

Однако, если граница остается для человеческого сознания абстракцией, с которой невозможно вступить в контакт, то Часовой, как персонификация границы, уже обладает необходимыми для этого свойствами. Как антропоморфное существо, он понимает речь, обладает волей, способен принимать решения и у него есть чисто человеческие слабости. Удивительно, но внутренний Часовой, которого мы можем воспринять как образ, точно также нуждается в контакте и человеческой близости, как и человек, – носитель Часового группы. С другой стороны, внутренний образ, который обнаруживает себя в процессе исследований наших собственных ограничений, является полноправным носителем функции Часового.

Встает вопрос о способе, с помощью которого можно вступить в контакт с внутренним Часовым. Здесь подходит любой метод работы с воображением, который концептуально признает наличие собственной воли и целей у внутренних фигур, с которыми происходит коммуникация. Другими словами, они не воспринимаются как вторичные «сколки» сознательных содержаний. Можно использовать метод активного воображения К.Г. Юнга^[12], а также, метод направленного аффективного воображения Х. Лейнера^[13].

Технологическая цепочка довольно проста. Сначала нужно добиться того, чтобы Часовой перешел в активное состояние. Мы помним, что пока нет угрозы для границы, Часовой – пассивен. Граница, обычно, обнаруживается быстро, поскольку она, как правило, связана с основными нашими затруднениями, или затруднениями клиента. В уже приведенном примере, это невозможность приготовить пищу на плите. Пробуждение Часового даст о себе знать повышением уровня тревоги. В этот момент мы останавливаемся и с помощью некоторых приемов обнаруживаем Часового в виде внутреннего образа, фигуры воображения. Затем вступаем с ним в контакт, который, по исполнению и целям, практически ничем не отличается от контакта с носителем-человеком. То, что образ, с которым вы общаетесь, обладает серьезными полномочиями, удастся почувствовать довольно скоро.

Интересно, что коммуникация с внутренним Часовым иногда реализуема на интуитивном уровне. Это обстоятельство представляется нам достаточно загадочным, учитывая природу Часового и непростые отношения с ним в процессе «отодвигания» границы. В когнитивно-поведенческой терапии есть метод «ступенчатой десенсибилизации». Поясним его на нашем примере с плитой. Терапевт предложил бы мужчине сделать маленький шагок по направлению к плите так, чтобы страх оказался на грани «выносимости». Затем, клиент должен оставаться на этом месте до тех пор, пока тревога не спустится до приемлемого уровня. То есть, пока он не привыкнет. После, делается следующий шагок и так далее, до самой плиты. То, что этот «ступенчатый» метод работает, подразумевает коммуникацию между Эго клиента и его внутренним Часовым.

Многие из нас могли видеть, как маленькие дети осваивают новую, пугающую их, территорию. Например, темную комнату. Их продвижение вглубь нового пространства также носит ступенчатый характер, и сопровождается диалогом с невидимым для взрослого наблюдателя собеседником. Бывает, что их отношения не складываются, и ребенок, скованный Основными силами, надолго оставляет территориальную экспансию. За Основными силами, на внутренней территории обычно скрываются родительские фигуры. То есть отцовский и особенно материнский комплексы. Это неудивительно, если вспомнить какую роль сыграли родители в вопросе контроля над детской тревогой. Все, что работает под маской Основных сил, когда-то существовало в качестве *опорных объектов*. Но теперь Основные силы – это *темная*, преследующая ипостась родительского (материнского) образа.

Иногда, с помощью проекции, Часовой «материализуется» в какой-либо предмет обстановки, животное или человека^[14]. И тогда можно наблюдать, как ребенок (особенно, если он думает, что его никто не видит) с неожиданной серьезностью и уважением выпрашивает у кошки или даже дерева разрешение на посещение того или иного места. Взамен он обещает сделать что-то, что необходимо носителю Часового. Один мальчик специально подкармливал кошку различными лакомствами, чтобы обеспечить себе доступ на чердак. Без ритуального кормления он не отваживался на это путешествие. Кошка была «материализованным» Часовым, а чердак – чужой территорией, на которую мальчику было запрещено заходить, но которую очень хотелось освоить.

Заметим, что это получение разрешения на проход равнозначно «отодвиганию границы», потому что и то и другое оказывается возможным благодаря доброй воле Часового. Чего не

может быть, если речь идет о *пересечении* границы. В последнем случае обращение к Основным силам неизбежно.

Культура Часового занимает большое место и в детских играх, и в отношениях между взрослыми и детьми. Например, когда ребенок *жалуется* матери на действия своего брата, он фактически реализует весь этот паттерн. Сам он оказывается Часовым, мать – Основными силами, а вредный брат – нарушителем.

Возможно Часовой – одна из самых ранних функций, проявленных в человеческой психике, как системе^[15]. Во всяком случае, именно он кричит устами младенца, когда нарушитель, например, аффект, связанный с голодом, приближается к границе еще рудиментарного Эго. Но младенческий Часовой оказывается весьма эффективным, коль скоро мать (Основные силы) быстро прибегает на крик своего ребенка. «Со-бытие» в симбиотической фазе позволяет матери опережать Часового своего ребенка, удовлетворяя нужды последнего еще до того, как они превратились в настоящего нарушителя. Это становится возможным благодаря тому, что симбиотическая связь между матерью и младенцем подразумевает одну саморегулирующуюся систему на двоих. Это означает, что ребенок еще не имеет в своем распоряжении устойчиво работающего Часового. В результате, для решения своих органических и психических задач он использует Часового симбиотической системы, который, в свою очередь, базируется на развитом Часовом матери. Возможно, наша память об этом раннем времени содержит размытое воспоминание о слитности функций Основных сил и Часового, а результат такого слияния оказывается атрибутом материнской фигуры. Может быть, в этом источник могущества культурных запретов, с которыми ребенок сталкивается в более позднем возрасте? Ведь «запрет» - это некая граница, которую нельзя преступать, плюс наказание, если это все-таки происходит.

Часовой: перспективы психопатологии.

Выше уже шла речь об «одержимости» Часовым, и о том, каким образом система использует человека, находящегося под властью этого комплекса. Мы также помним, что тот, кто верно служит системе в качестве носителя Часового, получает существенную компенсацию в самооценке. Однако для личности, роль Часового представляет довольно коварную ловушку. Помимо глубочайшей зависимости от группы, человек оказывается под угрозой внутренней диссоциации. На одной стороне растущей «пропасти» оказывается Эго, «одержимое» соответствующим комплексом, на другой – вся остальная психика. *Человек, находящийся во власти Часового, полезен группе, но при этом, его собственный внутренний мир находится под угрозой расщепления.*

Наиболее патологичный сценарий развития событий выглядит примерно следующим образом. Становясь системным Часовым, человек обретает легко осязаемый смысл жизни. Одновременно с этим, у него снимается проблема идентичности. Теперь человеку, особенно пограничного склада, больше нет необходимости мучаться с проблемой разделения «Я и не-Я», потому что отныне *личностные границы заменены системными*. Эти процессы сопровождаются *снижением уровня тревоги*, в результате чего, роль Часового группы превращается для человека в удобную социальную и психологическую нишу. Особенно, если в других областях деятельности он не может добиться признания и уважения.

Постепенно, основанная на комплексе Часового эго-установка, становится доминирующей, поскольку человек связывает свой успех именно с ней. Она даже может оказаться единственной, что делает ситуацию особенно опасной. В этом случае бессознательная компенсация этой односторонней установки приобретает особенно разрушительные свойства^[16]. Интересно, что пока человек находится в группе, и выполняет известную нам работу, он как бы защищен от встречи с компенсаторными бессознательными содержаниями. Разве что аффектация в рамках роли становится несколько чрезмерной, даже с точки зрения членов группы, которые привыкли к выходкам своего Часового. Однако стоит этому человеку по тем или иным причинам покинуть группу (например, поехать домой), как компенсация настигает его. Тревожные сновидения, каузальные неурядицы, соматические симптомы вкупе с отчуждением от чисто человеческого общения вновь обостряют все то, от чего человек прежде сбежал в роль Часового. Все это могло бы заставить его обратиться за психотерапевтической помощью, если бы не спасительная ниша роли, куда человек сможет вернуться на следующий день. Или еще раньше, иллюзорно продляя актуальный период жизни группы^[17]. Например, он может позвонить во внеурочное время какому-либо члену

группы для того, чтобы обсудить проблему, которая предназначена только для завтрашнего обсуждения.

Складывается своего рода порочный круг: для того, чтобы избавиться от беспокойства, человек идентифицируется с ролью Часового; однако эта идентификация создает предпосылки для еще большего беспокойства. Этот круг может быть разорван только в двух местах. Либо разрушится система, т.е. распадется сообщество, либо умрет сам носитель. Или, если не умрет, то уж заболит настолько тяжело, что система выберет себе нового носителя Часового. Как мы помним, для системы это не проблема. К тому моменту, когда это произойдет, носитель будет иметь либо тяжелые соматические осложнения, либо устойчивые психотические нарушения.

Часовой: заключение.

Знать «привычки» и «слабые места» Часового – очень полезно. Особенно тем, кто работает с группами. Это позволяет контролировать все ключевые моменты групповой динамики. Кроме того, это избавляет от множества неприятных ловушек. Например, начинающим групповым терапевтам свойственно попадать в роль Основных сил, поскольку крик Часового во второй фазе, и явная декомпенсация его носителя в третьей вызывают чисто человеческое потрясение и желание как-то ему помочь. Прецедент такой помощи и пара последующих подкреплений прочно фиксируют за ведущим роль Основных сил. Это может привести к целому ряду последствий. Приведенный ниже список почти наверняка не полон.

а) Ведущий оказывается ограничен в инициативе и интерпретациях, поскольку они могут вызвать к жизни новый материал, обсуждение которого, в свою очередь, будет актом пересечения системной границы. Ведущему придется выбирать между кричащим Часовым и пока неокрепшим системным Героем (носителем нового понимания). Часовой, обычно, оказывается убедительней.

б) Из групповой динамики выпадают те члены группы, которые имеют бессознательную предрасположенность к роли Основных сил, поскольку ведущий *заведомо выполнит эту работу лучше их.*

в) Группа начинает играть слишком большую роль в личной жизни ведущего, оттесняя в сторону значимых людей (семью, друзей). Человек начинает жить только работой, как правило, не осознавая этого факта.

г) Ведущий, одновременно со сверх ответственностью, приобретает и бессознательную сверх вину перед группой. В результате, он не сможет адекватно помочь группе в проработке такой темы как «отвержение». Он также будет нетерпим к проявлениям групповой агрессии, поскольку они указывают на его неспособность находиться в роли Основных сил, особенно в аспекте защиты.

д) Поскольку роль Основных сил значима в групповой системе, то у ведущего может возникнуть бессознательный соблазн построить на ее основе свою повседневную идентичность. Только на первый взгляд это кажется несущественным и неопасным. Однако, имея такую эго-установку в качестве основной, человек обречен искать кого-то, *кто согласится играть роль Часового*, потому что паттерн – целостен и его нельзя эксплуатировать по частям. Для семьи, например это, означает, что один из ее членов будет средоточием уверенности и силы, а другой – склонен к панической аффектации и соматическим страданиям. Последнее особенно характерно для детей, поскольку телесный недуг ребенка – это «крик» Часового, на который родители, как Основные силы, не могут не обратить своего внимания.

Если ведущий оказывается в роли Часового, то большая часть групповой динамики вообще проходит мимо него, поскольку до факта пересечения границы Часовой пребывает в пассивном состоянии. Кроме этого, ведущий в роли Часового будет неосознанно преследовать персонификатора групповых изменений (системного Героя), затрудняя протекание групповых процессов. Обычно ведущий редко оказывается в этой системной роли, за исключением тех случаев, когда ведущих – двое. В этом случае возможно распределение ролей Часового и Основных сил между терапевтом и ко-терапевтом.

Выше мы уже говорили о том, что Часовой, являясь вестником материнского структуросохранения, оказывается весьма консервативной фигурой. Однако, с другой стороны, он также является весомым катализатором групповых процессов. Происходит это следующим образом. В тот момент, когда возникает угроза для системной границы, Часовой поднимает

тревогу, подает сигнал Основным силам. Нарушитель (допустим, системный Герой) и Основные силы содержатся где-то внутри группы. Крик Часового выделяет эти полярные фигуры из группового фона. При этом часть группы поддерживает Героя, а часть – Основные силы. Группа как бы раскалывается на два полюса. Такая дифференциация резко подстегивает групповой процесс. Известно, что чем отчетливее проявлены противоположности, тем больше энергии в системе^[18]. И тем серьезней угроза текущему системному гомеостазу. Таким образом, Часовой косвенным образом содействует процессу трансформации.

Если ведущий знает обо всем этом, он может заранее подготовиться к потрясениям, а также иметь в своем распоряжении относительно точный прогноз групповых процессов на ближайшую перспективу.

Понимание природы Часового позволяет по-новому взглянуть на сущность *сопротивления*. Рассматривая сопротивление как процесс, мы увидим, что он повторяет все фазы паттерна Часового. Когда аналитик сталкивается с сопротивлением клиента, он имеет дело уже с Основными силами, преодолеть которые практически невозможно. Наше знание о Часовом подсказывает, что необходимо сперва совершить тактическое отступление, для того чтобы все успокоилось и только после этого вновь вернуться к границам невротической эго-установки клиента. Затем, вступить с Часовым в отношения, как это было описано выше. Помимо *активного воображения*, мы можем контактировать с Часовым клиента вполне материальным образом. По мере того, как аналитик осторожно «подкрадывается» к границе, напрягается и клиентский Часовой. Настанет момент, и комплекс Часового будет целиком контролировать Эго клиента. В эти мгновения клиент будет воплощенным Часовым. Понятно, что этому состоянию соответствует определенный рисунок телесных напряжений, чувств, намерений. Все это аналитик может выяснить у Часового, просто неторопливо расспрашивая своего клиента. Аналитик также узнает о том, какое прошлое у Часового, т.е. историю становления его как *личности*^[19]. Наш опыт показывает, что однажды обязательно настает момент, когда Часовой осознает себя личностью, а не функцией. И в этот миг невротическая эго-установка теряет свою цельность, структуру и императив^[20], поскольку утрата границ приводит к распаду системы (в нашем случае, невроза). То, что от нее останется, со временем будет включено в поле сознания на «правах» воспоминания. Это означает, что у этих остатков больше не будет «полномочий» и возможностей комплекса. А невроз как таковой исчезнет.

Аналитик или психотерапевт, который знает все привычки Часового, подобен проводнику, ведущему караван терапевтического процесса по самой короткой дороге.

[1] Эта работа написана по следам доклада «Архетип Часового в системной динамике», который был прочитан на очередном заседании «Аналитических сред» 28 апреля 1998 года. Опубликовано в: Уральский психоаналитический вестник №1. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2002.

[2] «Понимание любых психических процессов как взаимодействия и связи между различными парциальными личностями позволяет сразу же установить *через саму теорию* все психологическое поле, внутреннюю общность. Существуют взаимоотношения, контрасты и конфликты – не между частями характера или побуждениями, или отделами мозга, а между индивидуальными лицами, каждое из которых достойно уважения, каждое представляет комплекс и составляет трудность для понимания, каждое обладает известным влиянием на телесную политику целостной психики». (Хиллман Дж. Архетипическая психология. С-Пб, БСК, 1996, с. 35).

[3] О том, как тесно связаны между собой самосознание и территориальная метафора см.: Осорина М. В. Секретный мир детей. С-Пб.: Питер, 1999.

[4] Носитель Часового обычно не понимает того, что знаки внимания адресуются не его личности, но его архетипической роли.

[5] Очень отчетливо общий пафос Часового передан в рассказе А. Гайдара «Мальчиш-Кибальчиш»: «Нам бы только день простоять, да ночь продержаться!» Возможно, это самый яркий литературный пример третьей фазы.

[6] Пауза обычно не бывает длительной. Из-за этого иногда кажется, что Часовой и Основные силы – это один и тот же объект. Но внимательное наблюдение обязательно позволит разделить их. В поведении носителя Часового очень много напряжения. Его ритм быстрый, речь более громкая и обычно более скомканная, чем в состоянии, когда Часовой пассивен. Ритм Основных сил более медленный. В словах присутствует своего рода «весомость». Внешний вид, мимика, жесты как бы требуют уважительного отношения. Персонификатор Основных сил – решителен и кажется более способным к продуктивной работе с кризисной ситуацией, чем Часовой.

[7] Однако, если речь идет о нарушителе, который вызывает *качественные* изменения в системе, то не имеет большого значения откуда он приходит: «извне» или «изнутри». Более подробно этот момент будет обсуждаться немного ниже.

[8] М. Кляйн отмечает связь между темой «вторжения» и проективной идентификацией. См.:

Кляйн М. Заметки о некоторых шизоидных механизмах//Развитие в психоанализе. М.:

Академический проект. 2001, сс. 442-443.

[9] Интересно, что истинный Герой может быть как внутренним, так и внешним нарушителем. См. Кемпбелл Дж. Герой с тысячей лиц. М.: София, 1997.

[10] В этой и последующих работах по «системным архетипам» мы выделяем две основные моды системной самоорганизации. 1) *Материнское (консервативное) структуросохранение*. 2) *Самостное (динамическое) структуросохранение*. В первой моде система работает на поддержку текущего гомеостаза. Вторая мода поддерживает трансформационный режим, когда система выходит на качественно новый уровень в организации. Прежняя структура теперь содержится в новой, как частный случай. Основные силы и Часовой – своего рода «рабочие органы» материнского структуросохранения, тогда как, Герой выполняет те же задачи для самостного структуросохранения. В фазе активации вторая мода всегда структурно более сложная, чем первая.

[11] В Основных силах всегда подразумевается особая близость к изначальным природным ресурсам, корням, телесному началу и основанию мира (системы). Именно это, как показывает М. Элиаде, позволяет рассчитывать на воскрешение вообще, и на регенерацию в частности. См. Элиаде М. Мифы, сновидения, Мистерии, Рефл-бук-Ваклер, 1996.

[12] Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. С-Пб.: БСК. 1997, сс. 97-100.

[13] Лейнер Х. Направленное аффективное воображение.//Хрестоматия по глубинной психологии. М.: ЧеРо, 1996.

[14] Проекция может подвергаться не только Часовой, но и Основные силы. В этом случае, наше Эго, как нарушитель, обнаруживает Основные силы в лице некоего внешнего объекта, который вызывает в нас страх и желание подчиниться. Подобная реакция кажется большинству из нас совершенно иррациональной. Тем не менее, у очень немногих находятся силы для сопротивления ей.

[15] Во всяком случае, когда начинается описанная М. Кляйн динамика объектных отношений, Часовой уже должен быть в распоряжении ребенка, иначе ни о каком объекте не может быть и речи.

[16] См.: Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Ювента, Прогресс-Универс, 1995, сс. 531-532.

[17] *Актуальный* период жизни группы – это время, когда члены группы собираются вместе для достижения общегрупповых целей. По окончании этого периода члены группы расходятся по другим сообществам или решают свои индивидуальные задачи. Это *потенциальный* период жизни группы, который затем вновь сменяется *актуальным*. Последовательная смена одного другим является отражением прогрессивно-регрессивного цикла системы.

[18] «Где нет создаваемого противоположностями напряжения, там нет энергии...Лишь от противоположностей зажигается жизнь». (Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994, сс. 90-91).

[19] Эта история состоит из эпизодов нарушения границ. Каждый эпизод содержит в себе известный нам четырехтактный паттерн.

[20] Можно также сказать, что Эго выходит из под власти комплекса Часового.